

УДК 17.023.6

**КАЗУИСТИКА КАК РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ
НРАВСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРАХ МОРАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ И. КАНТА И А. ШОПЕНГАУЭРА)****Троцак А. И.****научный руководитель д-р. филос. наук, Калининков Л. А.
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта**

Философское знание представляет собой область постоянно возникающих вопросов, парадоксов, проблем. В истории философии различные системы и учения демонстрируют усложнение вечных философских вопросов, и в то же время предлагают всевозможные решения. Сам термин “казуистика” происходит от латинского “casus” (случай, ситуация), выражает непредвиденный характер и сложность случая, когда только здравого смысла становится недостаточно, чтобы быстро принять ответственное решение, которое было бы морально приемлемо и оценивалось как добрый поступок в определённой системе норм. Затруднённость быстрого решения появляется в результате конфликта в сфере нравственности между мотивами и их реализацией в поступке, причём мотивы на практике могут не осознаваться, а последствия не представляться. Из-за невозможности учета всех последствий ситуации и вследствие противоречивой модели знания, применяемой в качестве средства для анализа, казуистику нередко называют “колдовской”, “софистической”, “папистской” [11, с. 11]. В результате чего возможность решения конфликта превращается в парадокс, найти из которого выход невозможно, не отбросив первоначально принятые посылки и не предприняв доскональный разбор ситуации. Исходя из сложности таких ситуаций, *под казуистикой* мы будем понимать теорию «казусов совести», которая регулирует поведение индивида в случаях нравственных затруднений и основывается на системе абстрактно формулируемых правил [1, с. 197]. Более широко, *казуистика* – это использование «казуистических методов» в попытке этического осмысления возникшей трудности для того, чтобы индивиду вынести необходимое решение и совершить поступок [9, с. 187]. Соответственно, казуистика является частью прикладной этики, так как её методология непосредственно применяется на практике.

Казуистика разрабатывалась неравномерно в ходе истории и во многом зависела от церковных догматов. Выделяют несколько её этапов: 1) *Греческая Античность*: главное место здесь занимает “Никомахова этика” Аристотеля и его идея о рассудительности при принятии решения, причем оно должно приниматься с учётом блага и пользы для того, кто его принимает [2, с. 175]. 2) *Римская Античность*: Цицерон и его трактат “Об обязанностях”, в котором он описал конфликт между пользой и долгом, и, опираясь на Панэция и перипатетиков, пытался разрешить нравственные коллизии с помощью введения понятия необходимости: учитывать то, что необходимо для осуществления каждой обязанности, и какие последствия возможны при условии нашего невмешательства [10, с. 54]. 3) *Раннее христианство*: основная идея – примирение римского права с пророчествами для создания кодекса повседневной жизни. Популярным вопросом того периода был вопрос Климента Александрийского “Может ли богач быть спасен?” [11, с. 93]. 4) *Расцвет казуистики*: начался в Европе и продолжался с 1200 до 1650 года. Особым жанром письменного диспута были суммы, в которых магистр должен был отвечать на поставленные ему вопросы. Задача сумм – научить простого человека принимать нравственные решения и согласовывать их с другими людьми. Например: “Сумма теологии” Фомы Аквинского, “Сумма о покаянии” Раймонда Пеннафортского, сумма анонимного францисканца из

Астии и другие. В это время образуется общество Иезуитов, в котором казуистика приобрела пасторальный характер [11, с. 142]. 5) *Период пробабилизма* и закат казуистики: формула пробабилизма “Если практическое мнение или рассмотрение возможно истинно, то необходимо следовать ему, даже если более вероятно то, что есть противоположное истинное мнение” происходит от доминиканского профессора Бартоломея Медины (1577) [9, с. 188]. Согласно этой формулировке, всякий поступок получал оправдание, опорой которому мог служить не только здравый смысл, но и злой умысел. В противоположность этому тезису выступил Б. Паскаль в “Письмах провинциала”. Он высмеял пробабилизм, приводя многочисленные примеры, показывающие неправоту Медины и иезуитов в целом. Паскаль ссылается на заповедь из Евангелие “Не осуждать ближнего, не удостоверившись вполне, что он виновен” [6, с. 378].

Обобщая опыт казуистики как раздела религиозного знания, в ходе её истории развития сформировалась методология, необходимая для анализа того или иного случая. Следуя американским авторам Джонсону и Тулмину, выделим шесть *принципов-методов*, которые применялись *религиозной казуистикой*, когда возникали трудные ситуации: *парадигма и аналогия, максимы (Maxims), обстоятельства, возможность, обобщающие аргументы, решение*.

Рассмотрев *методы* религиозной казуистики, можно указать ряд герменевтических процедур, которыми пользовались средневековые теологи. Например, аналогия, широко применяемая в гуманитарных науках, лишь со степенью вероятности помогает в рассмотрении казусов, тем более что фундаментом для истолкования выбирается религиозный канон, во многих версиях случайный и ситуативный [7, с. 35].

Внецерковной традиции принадлежат системы И. Канта и А. Шопенгауэра. Эти мыслители в своих философских построениях двигались от теории к практике: создав теоретические основы своего учения, и Кант, и Шопенгауэр обращались как к общефилософским этическим проблемам, так и к конкретным проявлениям действительности. Кант впервые разработал сложную систему разрешения казуистических ситуаций с помощью философского аппарата.

Казуистика у Канта занимает место в разделе “Учения о началах” второго деления этики по принципам системы практического разума. Воплощена она в “Метафизике нравов” в форме казуистических вопросов, на которые Кант не дает прямых ответов [4, с. 456]. Для него казуистика не являлась самостоятельной теорией, – это показатель эффективности этической системы и функционирования её положений в, казалось бы, критических ситуациях. Дидактический метод казуистики играл важную роль: постановку трудноразрешимых вопросов Кант берет на вооружение в разных работах («Основы метафизики нравственности», «Метафизике нравов», «К вечному миру», «О поговорке...») в качестве средства подтверждения своей этической концепции и практического обучения тому, как использовать категорический императив. Особенно в работе «Метафизика нравов в двух частях» Кант в излюбленной манере ставит перед читателем сложные вопросы в примечаниях, которые резюмируют суть рассматриваемого параграфа. Порой задаваемый вопрос носит скорее ситуативный характер, нежели отражает суть морального поведения, например: «Можно ли считать ложью неправду просто из вежливости (например, «покорнейший слуга» в конце письма)? Ведь это никого не обманывает» [4, с. 474]. Или же другой пассаж: «Можно ли употреблять вино, если не как панегирист, то хотя бы как апологет, до степени, близкой к опьянению?» [4, с. 470]. Но помимо примеров, помещающихся в область традиции или ритуала, есть примеры казусов, которые отражают глубокий смысл этики в целом. Таков вопрос о суициде, вопрос о лжи во благо, вопрос об убийстве и другие

трудноразрешимые вопросы. Ответы на них основываются на комплексном подходе в самой теории. «Казусы совести» решаются в системе Канта тогда, когда нормы, заключенные в категорическом императиве как в основном законе нравственности, применяются как регуляторы, определяющие мотив. Причём система должна быть непротиворечивой и уже а priori учитывать вопросы, которые могут возникнуть на практике. Отражает эту мысль специальная работа Канта «О поговорке...»: «...Причина малой пригодности теории для практики заключалась не в самой теории, а в том, что здесь было недостаточно теории, которой человек должен был бы еще научиться из опыта и которая есть истинная теория...» [5, с. 159]. То есть, по мнению Канта, необходима такая теория, которая способная дать однозначный ответ на практическую проблему, возникшую в реальной жизни.

Шопенгауэр не использует термин “казуистика”, однако его этическая часть философии тоже снабжена казуистическими вопросами. В вопросительной форме, как это было свойственно Канту, в текстах Шопенгауэра нельзя найти в изобилии казуистические ситуации. Для него характерна не постановка вопроса, а размышление в афористическом стиле при использовании в названиях глав широких по содержанию понятий. Особенно снабжён ими второй том главного труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление»: например, заголовки «О гении», «О женщинах», «О безумии», «О ничтожности и страданиях жизни». То есть сами эти понятия являются неоднозначными по своей сути, ими Шопенгауэр описывает скрытую проблему, решить которую он пытается в самом параграфе. Сама по себе система не даёт возможности автоматического применения методов к возникающим проблемам этики в рамках одной какой-нибудь работы, поэтому те или иные способы решения приходится искать, используя материалы написанных им позже добавлений и приложений. Однако при понимании казуистических вопросов следует иметь в виду, что в основе системы Шопенгауэра лежит идея четвероякого корня закона достаточного основания, выражающаяся четвертым классом отношения объекта к субъекту: законом мотивации. Если понимать казуистику как совокупность трудноразрешимых казусов совести, базирующихся на конфликте мотивов, то закон мотивации Шопенгауэра должен быть рассмотрен не только как увеличительное стекло для понимания трудноразрешимых случаев, но и как средство разрешения конфликтов, причём в основе закона мотивации должен лежать принцип сострадания. Шопенгауэр полагал, что основа кантовского категорического императива – это идея приказа, поэтому он отказывается от использования данного этического закона, упрекая Канта за то, что тот в законе не указал основания: “Напротив, моральные законы в отрыве от человеческого устройства, государства или религиозного учения не следует принимать без доказательства как очевидно существующие: таким образом, через такое допущение Кант совершает ошибку *petitio principii*. Но он оказывается еще более дерзким, когда он одновременно затем, на с. VI предисловия, добавляет, что моральный закон должен действовать с “абсолютной необходимостью” [13, с. 647]. Отрицая кантовскую модель, Шопенгауэр отбрасывает априорные принципы методологии (непротиворечивость, общезначимость, полнота), применяемые в этике Канта, и пытается найти непосредственное основание для своего принципа. Шопенгауэр задаётся ключевым вопросом для всей его этики: «...Это последнее понимание между собственным и чужим «я» <...> не будет ли оно ошибочным и основанным на заблуждении?» [8, с. 452]. И отвечает, ссылаясь на Веда: «Великодушие, которое прощает врагу и воздаёт за зло добром, возвышенно и получает себе наибольшую похвалу, ибо в этом случае человек признал свою собственную сущность даже и там, где она решительно от себя отказалась» [8, с. 458-459]. Таким образом, шопенгауэровский принцип сострадания в ведической формулировке «tat tvam asi» оценивается им как общезначимый метод для

разрешения любых казусов. Однако теоретические трудности принципа сострадания нами были уже показаны в четвёртом параграфе первой главы.

1. На сегодняшний день методы казуистики частично используются в прикладной этике, которая содержит многочисленные ответвления (биоэтика, журналистская этика, корпоративная этика и т.д.). Современные философы относят Шопенгауэра к этическому эгоизму, а кантовскую этику к нормативной этике. Например, Том Риган, описывая этическую модель Канта, сравнивает её с утилитарной этикой и находит её более гибкой [12, с. 24]. Риганом предлагаются *методы* для современного казуиста, которые основываются не на религиозной традиции, а на предпосылках научного знания. Причём большинство из ниже перечисленных методов Ригана не противоречат содержанию этики Канта [12, с. 15].

Суммируя развитие казуистики и её статус на сегодняшний день, можно установить два метода для анализа нравственных конфликтов, сопоставимые с моделями Канта и Шопенгауэра: универсальный — в котором истинностное заключение, выносимое для разрешения казуистического случая, основывается на универсально-общей и на частной посылках (такими предпосылками могут являться категорические императивы Канта) [11, с. 34], причем субъект должен следовать установкам концептуальной ясности, информативности, рациональности и всеобщности [12, с. 12]; и эмпирический, где условное умозаключение, выносимое для разрешения казуистического случая, основывается на предшествующих прецедентах, на учете частного случая и на отсутствии исключительных обстоятельств (в данном случае фундаментом может быть гетерономный принцип сострадания) [11, с. 34]. То есть, универсальный метод сопоставим с моделью этики И. Канта, а эмпирический — с этикой Шопенгауэра. Таким образом, *под казуистическим методом* в общем смысле будет пониматься применение теоретических принципов системы к конкретной практической ситуации.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С. С. Казуистика // Энциклопедический словарь / Под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т.4.
3. Калинин Л. А. Кант в русской философской культуре. Калининград, 2005.
4. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 6..
5. Кант И. О поговорке «Может это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 6.
6. Паскаль Б. Письма к провинциалу // Лабиринты души / Августин Аврелий. Исповедь; Блез Паскаль. Письма к провинциалу. Симферополь, 1998.
7. Тов Э. Текстология Ветхого Завета. М.: Библейско-богословский институт Св. Апостола Андрея, 2001.
8. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики // Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998.
9. Bedau H. A. Casuistry // Encyclopedia of Ethics. Sec. Ed. Routledge, 2001. Vol.1.
10. Cicero Marcus Tullius. De Officiis. Stuttgart, 2005.
11. Jonsen A. R., Toulmin S. The Abuse of Casuistry: a History of Moral Reasoning. University of California Press, 1997.
12. Regan T. Introduction // Matters of Life & Death. Sec. Ed. Ed., by T. Regan. - Mc Graw-Hill, Inc., 1985.
13. Schopenhauer A. Über die Grundlage der Moral // Schopenhauer A. Kleinere Schriften. Stuttgart, Frankfurt-am-Main, 1986. Bd. III.